

С. И. Вайнштейн. История народного искусства Тувы. М., 1974, 224 стр.

И у нас, и за рубежом неизменно проявляется огромный интерес к истории сибирских народов, совершивших после Великого Октября беспрецедентный скачок в своем социальном и культурном развитии. Все больше приковывает внимание читателей, причем отнюдь не только специалистов, одно из ценнейших достояний культурной истории сибирских народов — их замечательное искусство. За последние годы в нашей стране вышел ряд новых исследований в этой области и среди них мне хочется отметить капитальную монографию С. И. Вайнштейна «История народного искусства Тувы», опубликованную в канун тридцатилетнего юбилея Советской Тувы. Автор книги хорошо знает историю тувинского народа, все тонкости и детали многогранных форм его культуры и быта — археологическому и этнографическому изучению Тувы он посвятил четверть века. Рецензируемый труд — третья большая книга из цикла монографических исследований С. И. Вайнштейна по исторической этнографии тувинского народа. Если в предыдущем фундаментальном труде¹ С. И. Вайнштейн всесторонне исследовал тувинское кочевое хозяйство, его генезис и связанные с ним проблемы истории кочевников Азии, то теперь он обратился к одной из важнейших форм духовной культуры народа — его искусству.

Научную базу монографии, ее исследовательскую основу составляют прежде всего собственные материалы автора, собранные им в результате экспедиционных работ в Туве, а также кропотливо изученные коллекции многих музеев.

Следует подчеркнуть, что это первая книга по тувинскому народному искусству — искусству яркому и своеобразному, с глубокими многовековыми истоками. Вплоть до социалистического преобразования хозяйства, Тува, как и ряд других территорий Южной Сибири, расположенных между Северной и Центральной Азией, издревле представляла собой зону, где проходили свой сложный исторический путь многие древние и средневековые племена и народности. Здесь, как и в Забайкалье, Минусинской котловине и на Алтае, веками скрещивались культурные влияния и возникали свои самобытные культуры.

В истории искусства кочевников, в особенностях его формирования много захватывающе интересно и вместе с тем крайне сложного, загадочного и проблематичного. Народное искусство, как известно, неразрывно связано с жизнью его создателей, с многоплановой биографией этноса. Поэтому историко-этнографический аспект изучения народного искусства, лежащий в основе исследовательского метода С. И. Вайнштейна, несомненно, весьма плодотворен.

Во введении к книге дана сжатая характеристика основных этапов этнической истории Тувы с древнейших времен до наших дней, а также историография темы исследования. Этнографическое изучение тувинцев началось сравнительно давно — еще в XVIII в., но тем не менее их народное искусство до последнего времени оставалось, увы, вне внимания исследователей. Собиратели этнографических коллекций, как справедливо отмечает автор, охотно включали в свои собрания предметы народного искусства, однако изучения этих ценнейших коллекций не проводилось. Памятники древнего и средневекового искусства, открытые в Туве благодаря обширным археологическим исследованиям, начатым здесь еще в 20-е годы С. А. Теплоуховым, а затем — после вступления Тувы в состав СССР, плодотворно продолженные местными, московскими и ленинградскими учеными (в том числе и автором книги), описывали и изучали, но все же не в плане истории искусства.

Исследуя развитие искусства в Туве на протяжении ее обозримой истории, С. И. Вайнштейн поставил перед собой очень нелегкую задачу. Ему предстояло не только тщательно изучить и описать современное тувинское народное искусство и реконструировать по рассказам старых мастеров, архивным записям и разрозненным музейным коллекциям исчезнувшие черты искусства кочевых тувинцев прошлого и начала нынешнего столетия. Пожалуй, самое трудное и, быть может, самое интересное и увлекательное, ждало автора книги в его поисках глубинных истоков искусства еременных тувинцев.

Ставя эту задачу и решая ее на широком историческом фоне, автор обращается для сравнительного анализа к культурам древних и средневековых племен Тувы и сопредельных районов Южной Сибири и Центральной Азии. Сделанные в книге выводы освещают оставшийся почти совершенно неразработанным вопрос о специфике и общих закономерностях развития народного искусства кочевников от его древнейших форм до этнографически наблюдаемого современного состояния. В этом я вижу очень важную новаторскую роль монографии.

Рецензируемая книга состоит из введения, двух частей, включающих восемь глав, и заключения. Большой и тщательно подобранный иллюстративный материал содер-

¹ С. И. Вайнштейн, Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства, М., 1972. С. И. Вайнштейном была опубликована также большая работа, посвященная восточным тувинцам («Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки», М., 1961)

жит четыре цветные таблицы и 168 черно-белых таблиц, фотографий и рисунков, а также детально разработанную обширную таблицу из 140 основных орнаментальных мотивов и их модификаций в тувинском народном искусстве. В первой части книги всесторонне исследовано древнее и средневековое искусство племен Тувы, во второй — тувинское народное декоративно-прикладное искусство. Автор совершенно прав, рассматривая древнее и средневековое искусство кочевников Тувы в тесной связи с культурами других народов Евразии. Привлекая обширный сравнительный материал, он сумел выделить общее и особенное в искусстве племен, населявших бассейн Верхнего Енисея.

Первая глава посвящена древности. Она содержит сведения об археологии Тувы эпох камня и бронзы, скифского и гунно-сарматского времени, в ней подробно описаны и проанализированы наиболее интересные памятники древнего искусства Тувы. И именно здесь среди древнейших памятников, относящихся еще ко времени до появления в Южной Сибири кочевников, обнаружилось наиболее отдаленные и ранние связи народного искусства кочевников-тувинцев XIX — начала XX в. Эти связи С. И. Вайнштейн находит в неожиданном сходстве высеченных на камне древних личин эпохи бронзы (окуневская культура) с изобразительной символикой налобных повязок тувинских шаманов начала XX в.; в удивительно близких и по композиции, и по используемым орнаментальным мотивам украшениях керамических сосудов андроновского типа (II тысячелетие до н. э.) и еще совсем недавно бытовавших у тувинцев деревянных ведерок для жидкости ('хуунг') и др. Обстоятельно написан раздел об искусстве скифского времени в Туве, о не перестающем удивлять и восхищать нас замечательном «зверином стиле», — происхождение и судьбы которого, несмотря на огромный и все возрастающий к нему интерес, еще во многом остаются загадочными. Очень любопытна и вполне приемлема предложенная здесь гипотеза происхождения звериного стиля, в генезисе которого автор отводит определенную роль местным художественным традициям скифо-сибирских племен, часть которых, по мнению С. И. Вайнштейна, до перехода к кочевому скотоводству основывала свое хозяйство на охоте (стр. 34). Здесь же автор предлагает новую в определенной мере трактовку семантики монументальных памятников искусства того времени: оленных камней и некоторых наносившихся на них изображений (стр. 27—32). С. И. Вайнштейн приводит вполне убедительные доказательства сохранения в тувинском народном искусстве реальных пережитков скифо-сибирского звериного стиля. И среди наиболее ярких свидетельств тому — фотография на стр. 158. Здесь мы видим поразительно сходные украшения конской упряжи, выполненные в виде голов грифонов. Но одна пара таких головок вырезана из дерева две с половиной тысячи лет назад и происходит из кургана Алтая скифского времени, а другая сделана лишь несколько лет назад местным мастером на седле тувинца и сфотографирована С. И. Вайнштейном. В данной связи нельзя не вспомнить работы такого замечательного знатока древней и современной культуры народов Центральной Азии, каким был безвременно ушедший от нас в расцвете творческих сил Юрий Николаевич Рерих. Ведь именно он еще юный в то время, спутник и помощник Николая Константиновича Рериха, участник исключительного по своим масштабам и драматизму путешествия семьи Рерихов по Китаю, Монголии и Тибету, наткнулся на удивительное совпадение в стиле древнего и современного народного искусства кочевников Тибета и Монголии. Это был живой, но вместе с тем и древний в его истоках, «скифо-сибирский» «звериный стиль», как его назвал Г. И. Боровко. Аналогичное явление обнаружил у тувинцев и описал в своей книге С. И. Вайнштейн.

Значительное место отведено в этой книге и искусству племен Тувы гунно-сарматского времени, в том числе его чрезвычайно любопытным образцам, найденным в могильнике Кокэль, раскопанном автором книги и В. П. Дьяконовой в конце 50-х — начале 60-х гг. Среди них особенно заслуживают внимания покрытые красочной росписью деревянный боченок и целая коллекция моделей мечей и кинжалов. Несомненный интерес у читателя вызовет увлеченно написанные страницы, посвященные петроглифам открытого автором древнего святилища на горе Сыын-Чюрек (стр. 46—53).

Во второй главе рассматриваются памятники средневекового искусства Тувы. Вполне закономерно наибольшее внимание уделено здесь древнетюркской эпохе, т. е. тому времени, когда закладывались основы этноса тувинцев. Многие элементы древнетюркской культуры, в том числе и искусства, повлияли позднее, как убедительно показал автор, на формирование традиционной культуры тувинцев. Роль древнетюркского искусства, особенно в орнаментике тувинцев, детально рассматривается в монографии. Характеризуя монументальные памятники древних тюрков (так называемые каменные бабы), автор выдвигает интересную гипотезу, что те из статуй, которые изображены с сосудом в руках, воздвигались умершим предкам, те же, которые лишены этого атрибута, обозначали убитого умершим врага (стр. 71—72). Ряд разделов главы посвящен искусству Тувы в период господства там кыргызов и монголов.

Во второй части книги описываются и анализируются различные виды декоративно-прикладного искусства, их развитие от XIX в., когда завершилось сложение тувинской народности; до наших дней. Здесь читатель знакомится как с изобразительным творчеством кочевых тувинцев-скотоводов и оленеводов-охотников XIX — начала XX в., так и с их искусством после перехода на оседлость в условиях нового социалистического быта в Советской Туве. В шести главах второй части книги, главным образом на основе этнографических вещественных материалов, подробно и всестороннее рассмат-

риваются художественная обработка металлов, дерева, бересты, кости, войлока, кожи; сюжетные изображения на плоскости; скульптура малых форм; особенности орнамента и его генезис. Здесь же даны творческие портреты лучших современных мастеров. Автор приходит к обоснованному выводу, что основные черты традиционного народного искусства тувинцев сложились уже к концу XVIII — началу XIX в.

Но, как оказалось, художественная обработка металла, войлока, кожи, сложная и пышная орнаментика, развились лишь у тувинцев-скотоводов — жителей степей и горных долин; тувинцы же оленеводы и охотники — обитатели восточнотувинской горной тайги — этих видов искусства не знали. Предметы их быта не украшали, например, крупные и яркие многокрасочные узоры, столь свойственные западным тувинцам — скотоводам; на берестяных, деревянных и костяных изделиях восточных таежных тувинцев мы видим, хотя и очень любовно выполненные, но лишь мелкие и несложные орнаменты. В то же время у таежных тувинцев некоторые формы декора — оказались чрезвычайно архаичными и своеобразными. Достаточно сказать, что С. И. Вайнштейну удалось открыть у них древнейший способ орнаментации бересты: женщины наносили узор, надкусывая бересту зубами. До исследований автора этот способ декорирования был известен в прошлом лишь у хантов в Сибири и алгонкинов в Америке.

В чем же причина, казалось бы парадоксальных, различий в искусстве одного народа? С. И. Вайнштейн аргументированно объясняет ее не только давними этнокультурными традициями, но и весьма тесной связью народного искусства с производственной деятельностью и уровнем социального развития, прослеживает влияние на формирование традиционного искусства хозяйственно-культурных типов Тувы, которые были детально исследованы в монографии автора (1972 г.), посвященной проблемам кочевого хозяйства тувинского народа.

Анализируя генезис тувинского народного искусства, С. И. Вайнштейн выявил в нем историко-генетические слои, развивавшиеся в течение очень длительного времени и составляющие основной фонд традиционного народного искусства тувинцев. Автор подчеркивает, что эти слои не существуют в виде изолированных комплексов, а тесно взаимосвязаны в народном искусстве, хотя некоторые виды украшений, предметов быта декорированы узорами, относящимися к одному историко-генетическому слою. Сравнительно-историческое изучение тувинского народного искусства позволило С. И. Вайнштейну прийти к важному выводу, что оно имеет глубокие местные корни, свидетельствующие об ошибочности распространенного еще в недавнем прошлом взгляда о его развитии главным образом под влиянием оседлых цивилизаций Восточной Азии.

В заключительном разделе книги рассматриваются общие закономерности развития народного искусства у кочевников. Отмечая ошибочность теории об извечной застойности культуры кочевников, и в частности их искусства, С. И. Вайнштейн обосновывает вывод, согласно которому для искусства кочевников на всем протяжении их истории характерно органическое сочетание древних традиций с постоянно обогащающимися и обновляющимися формами.

В Советской Туве, как и в других республиках Советского Востока, бывшие кочевники в условиях новой жизни успешно развивают социалистическую культуру, в которой важное место сохраняет и народное искусство. В рецензируемой книге подробно рассматриваются достижения декоративно-прикладного искусства за тридцать лет, прошедшие после вхождения Тувы в состав СССР. С особым теплом рассказывает автор монографии о творчестве лучших народных мастеров современного тувинского прикладного искусства, в особенности о замечательных камнерезах, работы которых известны далеко за пределами их родного края.

Следует отметить хорошее качество многочисленных иллюстраций, большую часть которых выполнил сам автор. Хочется от души поблагодарить Издательство «Наука» за оформление книги, сделанное с большим вкусом, за высокий полиграфический уровень печати. Остается лишь пожалеть, что книга вышла очень небольшим тиражом — всего 2000 экземпляров, хотя она, несомненно, привлечет внимание не только специалистов-искусствоведов, археологов и этнографов, но и широкого круга читателей, интересующихся историей культуры нашей многонациональной Родины.

Как и всякий большой обобщающий труд, посвященный сложной проблематике, рецензируемая книга не лишена отдельных спорных положений, не все вопросы освещены с равной полнотой, встречается и несколько погрешностей.

Характеризуя древние и средневековые петроглифы Тувы, автор ограничивается главным образом материалами Сыын-Чюрека, бесспорно чрезвычайно интересными, но все же хотелось бы, чтобы в книге было больше сведений и о других наскальных изображениях, которыми столь богата Тува. Хотелось бы также, если будет второе издание книги, чтобы этнографические материалы в ней были шире привлечены для интерпретации писаниц. Тем более, что в петроглифах отражен во многом еще загадочный для нас духовный мир древних охотников и скотоводов, своеобразные и яркие пережитки которого дожили в Южной Сибири до недавнего прошлого. Совершенно очевидно, что без привлечения сравнительных этнографических материалов мы никогда не сможем даже приблизиться к раскрытию подлинного идейного смысла древних петроглифов. Как убедительно показал в своей книге автор, искусство кочевников не только развивалось в своих самобытных формах, но и постоянно обогащалось в результате разнообразных — непосредственных и весьма опосредованных — связей с культурами оседло-земледельческих народов. Некоторые из таких воздействий были связаны с буддизмом, про-

никшим в бассейн Верхнего Енисея не позднее начала XVII в. Но влияние буддизма на искусство тувинцев (а с ним был привнесен в Туву, как утверждает автор, и образ фантастической птицы Хан-Херети-Гаруды, зародившийся в далекой Индии, и образ мифического льва Арзылана и др.) рассмотрено в книге излишне скупо. Курганы Ноин-Улы отнесены к I в. до н. э. (стр. 216). Но, не исключая возможности сооружения отдельных курганов могильника в это время, все же представляется более вероятной его датировка рубежом н. э. Но эти недочеты не снижают в целом высокого уровня монографии, являющейся, несомненно, крупным вкладом в советскую историческую науку.

И в заключение хочется отметить тот факт, что само по себе появление такого значительного труда по искусству одного из народов Южной Сибири свидетельствует о важных достижениях советской этнографической науки. Для нее характерен широкий в полном смысле комплексный подход к своему объекту, широкий исторический кругозор и проникновение в глубь исторического процесса. Автор книги выпукло показал не только самобытность искусства тувинского народа, не только его богатейшее историческое наследие, но и то, как эти традиции плодотворно и ярко проявляются в настоящее время. Так показана наглядно и неопровержимо «связь времен»!

Именно поэтому, читая книгу С. И. Вайнштейна, переживаешь чувство глубокого удовлетворения и радости за небольшой, но талантливый тувинский народ, сумевший не только донести до нас мастерство далеких предков, но и подняться до вершин высшей цивилизации нашего времени — цивилизации социализма.

А. П. Окладников

Е. А. Крейнович. Нивхгу. М., 1973, 496 стр.

Автор книги Е. А. Крейнович посвятил изучению этнографии и языка нивхов около 50 лет жизни. Он глубоко исследовал быт этого народа в период, когда нивхи были еще мало затронуты новыми социалистическими преобразованиями. Едва окончив Ленинградский университет, где Е. А. Крейнович прошел школу известного ученого Л. Я. Штернберга, он в 1926 г. на несколько лет уезжает на Сахалин, чтобы приобщить к новой жизни нивхов — небольшой народ, не знавший письменности и до Великой Октябрьской социалистической революции находившийся на грани вымирания. Хотя после революции все предпосылки для коренных перемен в судьбах нивхов были уже созданы, для осуществления их требовалась огромная работа по перестройке основ жизни народа. Надо было помочь этому народу понять, какие огромные возможности и перспективы открыла перед ним Советская власть и способствовать реализации этих возможностей.

Е. А. Крейнович учил нивхских детей, занимался ликвидацией неграмотности среди взрослых, работал в советских органах. Глубоко изучив быт нивхов и их язык, он написал в 30-х годах ряд исследований по этому языку, создал первый нивхский букварь, опубликовал несколько этнографических работ, посвященных обычаям и религиозным верованиям нивхов.

Глубокое проникновение в сущность мировоззрения нивхов, их религиозных верований, быта, интерес к различным проявлениям жизни народа, отличное знание его фольклора и языка позволили Е. А. Крейновичу написать рассматриваемую книгу, произведение в высшей степени оригинальное. Автор избрал форму дневника, позволяющую ему не только красочно описать наблюдаемые явления, но и дать живые картины быта нивхов. Читателю такая форма позволяет лучше познакомиться с методикой работы автора.

Разумеется, форма дневника весьма условна: хотя автор начинает его 12 апреля 1926 г. и заканчивает 27 июля 1928 г. (этими же датами начинается и оканчивается книга), содержание отнюдь не ограничивается материалами, собранными Е. А. Крейновичем на Сахалине в этот отрезок времени. В работу включены материалы, собранные и в более поздних поездках автора на Сахалин и Амур, включая 50-е годы. Но все материалы столь органично связаны между собой, что объединение их кажется естественным. Оно дает возможность показать некоторые локальные различия в культуре нивхов. Можно только пожалеть, что этому важнейшему вопросу, связанному с этногенезом народа, автор, видимо, в целях экономии места не уделил больше внимания.

Однако у дневниковой формы изложения материала есть и существенный недостаток: мысли, идеи, вынашивавшиеся автором в течение многих десятилетий, подкрепленные материалами 50-х годов, изложены так, будто они возникли в ранний период его деятельности среди нивхов, хотя против этого свидетельствуют работы самого Е. А. Крейновича 30-х годов. Автору следовало, по-видимому, оговорить это обстоятельство.

В работе описываются все стороны жизни нивхов; в первом разделе — их основные промысловые занятия: рыболовство, таежная охота (добыча крупного и пушного зверя), способы добычи морских животных, собирательство, собаководство. Второй раздел по-